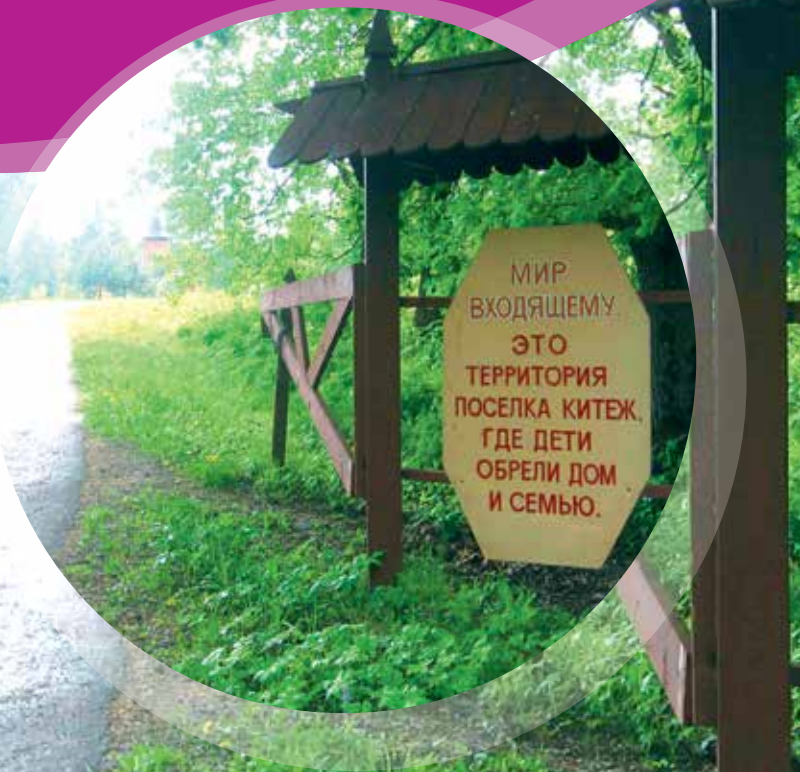

4

Школа кандидатов в принимающие родители

Министерство экономического развития
Российской Федерации
Минэкономразвития России

.....
Содержание

Сообщество приемных семей «Китеж»2

Пояснительная записка5

Возрастные особенности детей,7
 имеющих опыт сиротства

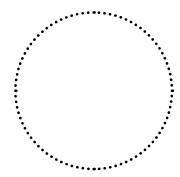
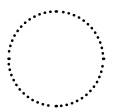
Дети-сироты: обычные и необычные дети12

Трудности, с которыми может столкнуться16
 приемный родитель

В помощь приемному родителю:18
 арт-терапия, плей-терапия, терапия искусством

Чем профессионал отличается от обычного24
 родителя и почему недостаточно «просто
 любить детей». Основные правила взаимодействия
 с приемным ребенком.

Мир, в котором живет ребенок, или как29
 не говоря лишних слов создать комфортную
 и безопасную обстановку доверия

Сообщество приемных семей «Китеж»

Некоммерческое партнерство поддержки приемных семей «Китеж» (НПППС) — инновационная форма семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, функционально многоплановая педагогическая модель, объединяющая приемную семью, школу и ближайшее социальное окружение. На основе этого объединения различных социальных институтов воспитания и образования детей в сообществе созданы условия, способствующие компенсации детских травм и преодолению последствий жестокого обращения с детьми — сиротами.

Создание сообщества приемных семей «Китеж» в Калужской области в 1992 г. осуществилось по инициативе журналиста, педагога и писателя Д. В. Морозова (Кавалера ордена Почета РФ) при поддержке Правительства Калужской области по ходатайству Министерства социальной защиты РФ.

А. Г. Асмолов, вице-президент Российского психологического общества пишет: «Все, что пишет и делает Д. Морозов, подчеркиваю, не только пишет, а делает, создавая поселки для детей-сирот — это реальная культурная идентификация с детьми. Китеж Д. Морозова, как и его книги, отражают единство творческой мысли и жизненного пути. Его способ научного постижения детства требует войти в культуру детей, взглянуть на детство глазами ребенка... То, что предлагает Д. Морозов — это особая родительская профессия».

Уникальность сообщества приемных семей определяется тем фактом, что это пространство, специально созданное для сближения и объединения детского и взрослого сообществ, формирования общего пространства событий, где события детской жизни не являются для взрослых мероприятиями, которые они организуют для того, чтобы оказать воспитательное влияние, а являются действительными событиями их жизни, которые вовлекают взрослого не только как функцию, но сущностно, как человека. Такое сближение позволяет не только взрослому, но и ребенку в меру его возможностей, быть создателем окружающего мира отношений, событий. На этой основе возникает диалог между детьми и взрослыми как нормальная форма их взаимодействия и неформальность как особое качество отношений.

За годы профессиональной деятельности «Китеж» разработал и апробировал оригинальные и традиционные методики работы с этой категорией детей, методику инклюзивного образования. Комплекс данных методик в условиях развивающей среды сообщества сложился в целостную эффективную педагогическую практику реабилитации и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

«В чем заключается особый подход, применяемый в «Китеже»? Это, во-первых, деинституализация социального обеспечения ребенка. «Китеж» не является учреждением, где присматривают за детьми. Это настоящая, ориентированное на детей поселение — содружество приемных семей, где отлично сосуществуют жесткая образовательная программа и групповой и индивидуальный терапевтический процесс...» — пишет Дэвид Дин, консультант Минобразования РФ, кавалер Ордена Британской империи, один из основателей британской ассоциации терапевтических сообществ.

Муниципальная общеобразовательная школа «Китежа» существует в течение 17 лет, и за это время выработала систему обучения, в которой традиционная классно-урочная система занятий дополняется методами групповой работы, проектной деятельности, формами взаимообучения школьников.

Обучение детей в сообществе включено в контекст воспитания: в школе, семейного, внеклассного воспитания. Именно это обеспечивает его связь с реальной практикой жизни ребенка, формирует мотив к учению.

Обучение ведут родители — педагоги, авторы научных и популярных работ по педагогике и психологии сиротства, об образовании и психологии детско-родительских отношений, среди которых 3 кандидата наук.

С 2009 года сообщество стало площадкой проведения психолого-педагогических практик и обучения студентов гуманитарного профиля, действуют программы сотрудничества с Московским, Калужским, Смоленским педагогическими государственными университетами.

С 2012 года школа имеет статус федеральной экспериментальной площадки при Московском педагогическом университете, где ведется научная работа по развитию методов инклюзивного обучения и воспитания детей разных социальных категорий.

На базе школы действует служба психолого-педагогического сопровождения замещающих семей для оказания психолого-педагогической поддержки замещающим семьям, обучения и диагностики кандидатов на роль родителей замещающих семей, организации семинаров и консультаций, распространения информационных материалов.

За время существования службы подготовлено 52 кандидата в замещающие родители, проведено более 300 консультаций; в работе службы используются методы игровой недирективной терапии, арт-терапии, ролевые игры и др.

Сейчас в «Китеже» воспитываются и обучаются 42 ребенка. Это 15 приемных детей, 14 детей, родившихся в поселке и живущие со своими родителями, и 13 ребят из Москвы, проходящие программу психологической реабилитации после трудной жизненной ситуации. В каждой семье «Китежа» постоянно проживает от 3 до 6 детей одновременно, что помогает ребятам социализироваться в рамках разновозрастных групп.

Наиболее успешные примеры жизненного самоопределения выпускников Китежа: Валентина Канухина, окончив РГГУ, продолжает обучение в аспирантуре, совмещая его с работой в компании «Яндекс»; Василий Бурдин после окончания Московской юридической академии работает в крупной юридической компании в Москве, Святослав Климов после окончания службы в рядах российской армии продолжает обучение Московском авиационном университете.

В целом за все годы существования «Китеж» выпустил около ста детей-сирот, 80% выпускников поступили в ВУЗы Калуги, Москвы (РГГУ, МПГУ, МГУ, Академия им. Тимирязева, КГУ), остальные — в средние специальные учебные заведения Калуги, Обнинска. Выпускники «Китежа» успешно интегрируются в современное общество, становятся его полноценными гражданами: учатся, трудоустраиваются, большая часть создали собственные семьи. Ни один из выпускников Китежа не пополнил социальную группу риска.

Анализируя своеобразие сообщества приемных семей и его принципиальное отличие от других форм устройства детей-сирот, основатель сообщества «Китеж» Д. В. Морозов осмысливает двадцатилетний летний опыт педагогической деятельности сообщества как опыт «строительства социального организма», указывая на экспериментальный характер этого начинания, подчеркивая принципиальную незавершенность и поисковый характер жизнедеятельности сообщества как его сущностную характеристику. Сообщество — «длительный эксперимент... по созданию мира, целиком ориентированного на развитие личности ребенка, ...продолжая оставаться педагогическим и социальным экспериментом, он («Китеж») обрел неоспоримые черты реальности, став домом и источником вдохновения для взрослых и детей».

249650, Калужская область,
Барятинский район, пос. Китеж

Глава НПППС «Китеж»
Аникеев Максим

к.п.н., 8-960-523-86-90
info@kitezh.org
www.kitezh.org

249163, Калужская область,
Жуковский район, деревня Орион

Глава НПППС «Орион»
Кузьмина Мария

8-960-523-86-93, orion@kitezh.org

Координатор детских программ
Дуванова Арина
8-965-700-04-98,
detiorion@gmail.com

Школа кандидатов в принимающие родители

Пояснительная записка

В современном российском обществе проблема сиротства все больше привлекает внимание государства, ученых, социальных служб. Становится очевидно, что эффективно помочь детям-сиротам и детям, оставшимся без родительского попечения, можно только в условиях семьи, восстанавливая семейные роли и восполняя потребности детей в лично значимых индивидуальных отношениях. В России возрождается ценность приемной семьи как мощного института социализации, адаптации и развития детей, оставшихся без родителей.

Мифы о том, что любой взрослый, воспитавший своих детей, способен помочь ребенку-сироте, на сегодняшний день показывают явную несостоятельность. Правильным подходом к пониманию роли и значения приемной семьи является представление о том, что родитель должен обладать профессиональными умениями и навыками в сфере психологии и педагогики, а также иметь личностные качества, которые способствуют успеху его воспитательной деятельности. Поэтому нужно говорить о профессиональной подготовке и профессиональной готовности приемного родителя, усыновителя или опекуна к тому, чтобы принять ответственность за жизнь и развитие ребенка.

Для помощи кандидатам, которые хотели бы создать приемную семью, в сообществе «Китеж» разработана программа обучения и поддержки приемных родителей. Программа рассчитана на минимальный уровень знакомства с психологическими и педагогическими идеями, теориями и ценностями и позволяет помочь будущим приемным родителям самостоятельно решать возникающие проблемы с детьми.

Система обучения является достаточно гибкой к запросам и уровню профессиональной и личностной подготовки кандидатов, а также опирается на конкретный практический опыт, который должен получить кандидат при подготовке к важному шагу в своей жизни.

Занятия носят дискуссионный характер, ориентированы на практическое применение полученных знаний, актуализируют собственный жизненный опыт обучающихся. Возможны следующие организационные формы проведения занятий:

1. Проблемные группы (1—5 дней по 2 часа)
2. Дискуссионные группы (5—10 дней по 2 часа)
3. Погружение в жизненный опыт (проживание в сообществе приемных семей «Китеж» с обучением от 3 дней до месяца)
4. Индивидуальное консультирование

Цели:

- дать педагогические и психологические знания в области психологии сиротства, типичных проблем детей, оставшихся без родительского внимания, знания об этапах адаптации ребенка в семье;
- сформировать навыки саморефлексии и умения анализировать причины возникших проблем, развить умения искать глубинные причины поведения ребенка;
- дать навыки профессионального самоконтроля, восстановления и создания положительной эмоциональной атмосферы в семье, сформировать умение организовывать и рационально использовать собственные усилия в воспитании;
- сформировать ценностные отношения к полученным знаниям о приемной семье, труде приемного родителя и личности ребенка, попавшего в приемную семью.

Тематическое планирование

Предлагаемый круг тем для осуждения является обязательным минимумом для кандидатов, желающих создать приемную семью.

1. Особенности возрастного развития детей, имеющих опыт сиротства.
2. Дети-сироты: обычные и необычные дети. Трудности, с которыми может столкнуться приемный родитель.
3. Трудности, с которыми может столкнуться приемный родитель. Продолжение.
4. В помощь приемному родителю: арт-терапия, плей-терапия, терапия искусством.
5. Чем профессиональный родитель отличается от обычного родителя, и почему недостаточно «просто любить детей».

Оценка результатов

По окончании курса каждый кандидат проходит заключительные испытания, которые состоят в собеседовании по темам, включенным в программу обучения. Основанием для положительной оценки является:

- предъявление психолого-педагогических знаний;
- наличие мотивации к профессиональному росту и демонстрация навыков саморефлексии, самоанализа и психолого-педагогического анализа собственной воспитательной деятельности;
- ценностные ориентации кандидатов, проявившиеся в процессе разрешения проблемных ситуаций.

Возрастные особенности детей, имеющих опыт сиротства

Любимцева Ю. С.

Кандидат педагогических наук,
заведующий научно-методической работой
МКОУ «Китежская средняя общеобразовательная школа»

Возрастное развитие личности — тема не только интересная, но и необходимая каждому родителю, воспитателю, педагогу, а в особенности приемному родителю, как необходима карта мореплавателю или первооткрывателю.

Факты, закономерности в этой области, основания и этапы возрастного развития, выявленные и осмысленные современной наукой, позволяют составить (идеальный) обобщенный маршрут возрастного развития личности. Это поможет родителю понимать те задачи и трудности каждого из этапов личностного развития, которые проходит его ребенок, позволит видеть и отклонения от этого маршрута и преодолевать их.

Как известно, никакое развитие ребенка не происходит вне деятельности, именно степень освоения той или иной деятельности, разнообразие форм деятельности, их иерархическое соподчинение определяют ход развития, его достижения.

На самых ранних этапах развития, **в младенчестве**, главная деятельность для ребенка — непосредственное, эмоциональное общение с матерью или другим близким взрослым. Это общение пока не опосредствовано никакими культурными орудиями, предметами, знаками. Главная задача для ребенка на этом этапе — освоить собственную телесную, психосоматическую индивидуальность, как бы вписать себя в пространственно-временной контекст семьи.

На втором этапе, **в раннем детстве (1,5—3 года)** ребенок вместе с близким взрослым переходит к освоению уже предметно-опосредствованных форм общения в совместных предметных и подражательных действиях с окружающими, а также и в изобразительных игровых действиях с воображаемым партнером.

Он производит манипуляции вещами и предметами, объектами материального мира, познавая их свойства и функции. По мере накопления опыта такой практической деятельности, освоения и закрепления представлений о способах действий с теми или иными предметами складывается база для развития на следующих этапах теоретической деятельности, возможности осуществления в уме действий с проекциями или образами предметов, построения абстрактных схем и моделей. Именно так первоклассник вначале обучается счету, используя счетные палочки, а потом может оперировать в уме образами этих счетных палочек, еще позже уже и вовсе переходит к высокой степени абстракции, овладевая символами.

Центральные достижения этого периода — овладение культурными навыками и культурно-опосредованными формами поведения, а также открытие ребенком для себя собственной самости. Он произносит знаменитое «Я сам!», осознавая себя субъектом собственных желаний и умений. В этот момент ребенок испытывает потребность отделиться от взрослого, поэтому могут проявиться такие характеристики его поведения, как негативизм, упрямство, строптивость, своеволие.

Такое отделение отражается на позиции ребенка в семье. Это пространство, в котором ребенок приобретает новый социальный статус. Ребенок развивается от «внешнего социального» к «внутреннему индивидуальному»: он разделяет в социальной ситуации себя и других, свои желания и желания взрослых, начинает отличать и отделять окружающие предметы, упорядочивает мир вокруг себя, создает картину мира.

В разговоре ребенка важное место занимают слова, которые показывают отношение и позицию говорящего: «это», «то», «здесь», «теперь», «там», «потом», «я», «ты» и т.д. Это координаты, с помощью которых определяется положение предметов и действующие лица в социальной ситуации.

У ребенка появляются собственные желания, но он должен выполнять то, что хочет взрослый. Д. Б. Эльконин предполагал, что желание ребенка таково: стремлюсь действовать сам и как взрослые люди, т.к. взрослые выступают для ребенка как образцы поведения. И возникает желание, которое проходит через все детство: жить общей жизнью со взрослыми. И отделяясь от взрослого, ребенок выстраивает более глубокие отношения с ним.

Далее в истории детского развития наступает **дошкольный период (3 — 7 лет)**, когда развитие личности идет по пути расширения сферы взаимодействия и общения, вхождения в общность с другими людьми, которые выступают в различных ролях и видах: учителя, наставника, воспитателя и др. В совместном бытии с ним ребенок осваивает социальный мир, правила, понятия, принципы деятельности во всех сферах социально-культурного бытия и, с другой стороны, осуществляет первую пробу преобразовательной деятельности и самоизменения.

Способом такого совместного бытия ребенка и взрослого, средством соединения мира детства и мира взрослого является сюжетно-ролевая игра, которая носит упрощенный символический характер, она воспроизводит социальную обстановку (роли, отношения, поступки, реакции), но операции, приемы, средства и методы упрощены или проигрываются символически. Игра как бы дает попробовать деятельность взрослых без овладения всем алгоритмом действий и при этом получить воображаемый результат. Вся активность ребенка-дошкольника носит моделирующий характер, за исключением самообслуживания.

Ребенок усваивает не только действия, правила, но и последствия неправильных действий, нарушения правил. Дошкольник начинает внутренне выстраивать последовательность своих действий и последствий. Таким

образом, формируется внутренний план действия — способность человека выстраивать образы собственных действий перед тем, как начать действовать.

По мнению многих авторов, это кульминационный момент личностного развития, поскольку вместе с развитием внутреннего плана действий появляется способность к саморазвитию (развитию собственной самости).

Новообразования дошкольного возраста

1. Возникает первый схематичный контур цельного детского мировоззрения. Ребенок не может жить в хаосе впечатлений. Все, что видит, ребенок пытается привести в порядок, увидеть взаимосвязи и закономерности. Ребенок считает, что все, что он видит вокруг, в том числе и явления природы, является результатом деятельности людей. В центре мировоззрения дошкольника находится человек. Пример: солнце движется, чтобы всем было тепло и светло, оно хочет гулять и двигаться. С 5 лет начитается возраст «маленьких философов».

Миша М. (4 года 3 месяца): «Откуда приходит ветер?»
— «Это очень трудно рассказать. Я в новом фильме видел, что мальчик из трубы выдувал».

Ребенок строит картины глобального характера, мировоззренческие картины при низком уровне интеллектуальных возможностей и высоком уровне познавательных потребностей.

2. Возникают первичные этические нормы и правила. «Что такое хорошо, что такое плохо». Нравственное может смешиваться с прекрасным: «Красивое не может быть плохим».
3. Возникает соподчинение мотивов, т.е. начало формирования волевого поступка. Для выполнения правил в сюжетной игре и для достижения игровой цели ребенок может преодолевать свои спонтанные желания, контролировать свое поведение.
4. Возникает произвольное поведение. Первоначально ориентирующее поведение образ нагляден для дошкольника, но затем он становится все более и более обобщенным, выступающим в форме правила, или нормы.
5. Возникает личное сознание, понимание своего места в системе отношений со взрослыми. Если спросить ребенка трех лет: «Ты какой?». Он ответит: «Я большой». Если спросить ребенка семи лет: «Ты какой?», он ответит: «Я маленький».

Следующий важный момент в истории детского развития — **возраст 10 и 12 лет**, когда, как показывают научные исследования, происходит переход к принципиально новой личностной позиции, которая характеризуется тем, что у ребенка начинает формироваться внутренняя мотивация

к деятельности. Осуществляется переход от ориентировки на себя к ориентировке на внешние силы и условия и формирование внутренней мотивации. Это на практике выражается в том, что детская вера в то, что на обстоятельства собственной жизни влияют прежде всего внешние силы — биологические, социальные или сверхъестественные, трансформируется в представление о том, что на жизненные изменения влияют прежде всего способности, желания и усилия самого индивида.

Характерными проявлениями развивающейся гармонично личности в этом возрасте является:

- интерес к внутреннему миру и, как следствие, ориентации на самоизменение;
- стремление к сотрудничеству и участию в социальных объединениях, потребность пробовать себя в разных социальных ролях;
- адекватная оценка собственных возможностей и усилий, соотношение их с результатом деятельности.

Далее, в возрасте **14 — 18 лет**, эти тенденции проявляются в виде:

- способности к самопроектированию (сознательному формированию желаемого образа себя и началу жизненного планирования);
- повышенного интереса и потребности жизненного планирования;
- самоопределения (личностного, профессионального) и пробы социальных ролей;
- ответственного отношения к собственному будущему.

И наконец, следующей задачей развития является переход ко взрослости как особому качеству взаимоотношений с обществом, особой внутренней позиции личности, которая характеризуется:

- активной преобразующей деятельностью, направленной вовне и на преобразование собственной личности;
- рефлексией, самоконтролем, способностью планировать свою деятельность, независимостью от оценок окружающих;
- гармонией личных и общественно значимых интересов;
- ответственностью за собственную судьбу.

Важно отметить, что психическое и социальное развитие личности происходят в теснейшей связи с характером той общности, в которой находится ребенок. Первоначально в качестве такой общности выступает пространство семьи и эмоциональное взаимодействие с матерью; позднее на этой базе осуществляется вхождение в общность других людей.

Отсутствие нормального взаимодействия внутри этих общностей, прежде всего аномалии детско-родительских отношений у ребенка, оставшегося без попечения родителей (например, нарушение привязанности, депривация), обуславливают отклонения в ходе развития ребенка

и формирование особого типа личности. Этот тип характеризуется следующими особенностями:

- нормальная потребность в преобразовательной деятельности и пробы сил реализуется в виде активности, которая нередко носит скрытый и внесоциальный характер;
- не происходит перехода от внешнего локуса контроля к внутреннему, что выражается в отсутствии ощущения себя как источника значимых преобразований в реальности, на основании чего складывается иждивенческая позиция по отношению к миру взрослых. Это обуславливает и отсутствие потребности в самоизменении, условий для усиления рефлексии и оборота на себя, отсутствия доверия фигуре взрослого, которое ограничивает возможности освоения мира культуры;
- жизненное планирование ребенка, оставшегося без попечения родителей, как правило, носит нереалистичный характер или наблюдается пассивное отношение к жизненному планированию и уход от ответственности за себя;
- проба социальных ролей и профессиональное самоопределение характеризуются шаблонностью;
- неспособность реально оценивать свои возможности и учитывать собственные возможности складывается вследствие недостатка позитивного опыта общения со взрослыми;
- опора на негативный жизненный опыт, неприятие опыта других и недоверие, нежелание обучаться и участвовать в совместной деятельности.

Обобщая сказанное, отметим, что специфика личностной позиции детей, имеющих опыт сиротства, заключается в недостаточной сформированности внутренней мотивации к тому, чтобы проявлять и раскрывать собственный личностный потенциал в конструктивной, творческой деятельности, самоопределении и самопроектировании личности.

Именно поэтому нам, приемным родителям, педагогам, необходимы всевозможные прикладные педагогические способы и методы, позволяющие раскрыть личностный потенциал ребенка, возродить его исследовательский интерес и творческое отношение к миру.

Дети-сироты: обычные и необычные дети. Трудности, с которыми может столкнуться приемный родитель.

Любимцева Ю. С.
Кандидат педагогических наук,
заведующий научно-методической работой
МКОУ «Китежская средняя общеобразовательная школа»

Щурова М. М.
Психолог, приёмный родитель,
учитель МКОУ «Китежская средняя общеобразовательная школа»

Поведение приемного ребенка может отличаться от поведения ребенка, выросшего в благополучной семье. Поэтому воспитание приемных детей должно строиться на понимании психологии детей, перенесших психологическую травму в раннем возрасте. В таком случае приемным родителям недостаточно опыта собственного отцовства или материнства, необходимо специальное обучение и объяснение психологии детей, переживших потерю родителей.

Многие кандидаты в приемные родители говорили, приезжая в «Китеж»: мы уже воспитали своих троих, сумеем справиться и с этими!

Однако любой опытный приемный родитель скажет, что у ребенка-сироты есть отклонения или особенности в способах восприятия событий жизни, эмоциональных и поведенческих реакциях, ценностных установках.

И, увы, опыт наших приемных родителей и научные исследования показывают, что очень часто знания, которые уже есть у родителей, не только не помогают, но и вредят, поскольку перед нами ребенок, выросший в проблемном социальном окружении, его поведение только внешне похоже на обычные реакции ребенка, которого родитель уже воспитывал. Ребенок, воспитанный в благополучных условиях, испытывает интерес к миру, новым возможностям, стремится к новым впечатлениям, ищет общения, жаждет быть принятым и хочет получить одобрение. Чаще всего он привлекает к себе внимание путем достижения какого-то результата: я смог, я сделал, я справился. Встречаясь с трудностями, он либо самостоятельно их преодолевает, либо обращается к вам.

Он знает, что если разбил чашку, то папа будет сердиться, но это не будет продолжаться долго и не заставит его сомневаться в родительской любви. Он примерно представляет себе границы дозволенного и недозволенного и знает, что нарушение запретов влечет за собой последствия.

Ребенок, развивающийся в благоприятном семейном окружении, испытывает самые разнообразные эмоции и чувства: радость, удовольствие, любопытство, любовь, нежность, грусть, тоску, тревогу, огорчение, ненависть, раздражение. Полнота этого спектра говорит о психологическом здоровье личности.

Включаясь во взаимодействие с социумом (сначала в семье, потом в школе, в группе сверстников, других коллективах) он учится понимать нормы и правила человеческого общества и регулировать свое поведение в соответствии с ними.

Развитие детей напрямую зависит от взаимодействия с родителями или другими значимыми людьми, которые помогают формировать социально значимые качества, необходимые для успешной жизни в обществе. Если мы хотим вырастить доброго и сильного ребенка, то поступки родителей должны демонстрировать соответствующие качества на практике. Они не пройдут мимо человека, упавшего на улице, помогут пожилому человеку, уступят место в трамвае.

В зависимости от степени полученной травмы, возраста и индивидуальных психических особенностей ребенка, его поведение, реакции, восприятие, оценки происходящего могут казаться неожиданными для нас. Травмой для ребенка является разрыв отношений с родителями (что бы ни было его причиной), психологическое, физическое, сексуальное насилие, голод, отсутствие заботы о здоровье ребенка и пренебрежение его естественными потребностями.

Психологическое насилие — такое поведение родителей, при котором они не соизмеряют силу своих эмоциональных реакций, могут оскорблять, унижать словами, тоном, криком, угрозами. Личность ребенка, находясь в постоянном эмоциональном стрессе в связи с непредсказуемым поведением родителей, находится под угрозой.

Физическое насилие — использование физических наказаний или применение физической силы к ребенку неадекватно возрасту ребенка или ситуации.

Сексуальное насилие — использование ребенка для удовлетворения сексуальных потребностей взрослого.

Если ребенок получил травму в самом раннем возрасте, то, скорее всего, разрушено главное условие гармоничного развития — чувство безопасности и базового доверия к миру. Вместо него формируется представление о том, что мир враждебен, непредсказуем, а значит, возникает препятствие для активной познавательной деятельности ребенка, что замедляет, ограничивает развитие памяти, воображения, мышления, речи, двигательной активности; у ребенка не формируются отношения доверия, он оказывается неспособным к созданию близких отношений с другими людьми.

Родная мать одной из наших воспитанниц вела беспорядочный образ жизни, занималась проституцией. К удовлетворению основных потребностей ребенка в тепле, еде, чистоте, внимании и любви она относилась с пренебрежением. Забывала девочку в ванной во время купания,

и ребенок проводил долгое время в остывшей воде, не в силах выбраться самостоятельно.

Поведение матери носило противоречивый характер: в пьяном состоянии она заставляла трехлетнюю дочь курить, спустя несколько минут начинала бить девочку за это.

Следствием такой ситуации в родной семье были сложности в установлении отношений в приемной семье: на это ушло семь лет, несмотря на высокую профессиональную квалификацию родителей и их сильную личностную позицию.

Если ребенок на ранних этапах (до семи лет) получил долю внимания, любви и заботы родителей, а проблемы начались позже, то есть некоторый ресурс, основание для исцеления и восстановления способности к созданию отношений, к обучению, есть возможность в дальнейшем благополучно интегрироваться в общество.

Мальчик и его родная мать попали в тяжелую жизненную ситуацию, были вынуждены скитаться, вести бродяжнический образ жизни. Однако между ребенком и родителем существовали близкие душевные отношения привязанности, доверия, внимания к потребностям и состоянию ребенка.

После вынужденной разлуки (мать не могла обеспечить ребенка, он попал в приют) и трехлетнего пребывания в разных детских учреждениях ребенок попал в приемную семью, успешно адаптировался в новой ситуации, установил отношения с приемными родителями, при этом он с благодарностью и сочувствием вспоминает свою родную маму.

Это один из самых удачных примеров. Но процесс вхождения в семью может быть значительно более сложным и долгим. Важно, что в вашем распоряжении есть «ресурс» — период относительного благополучия ребенка в детстве. Оттуда он может черпать веру в собственные силы, в возможность любить и быть любимым.

В целом, обобщенный портрет ребенка-сироты в детском доме и приюте, который провел там более полугодя, будет выглядеть примерно так: возможно, этот ребенок апатичен или, напротив, агрессивен, склонен к демонстративному поведению. Его интерес к исследованию мира постоянен, значительно больше его волнует безопасность и предсказуемость окружения, поэтому страшит любое изменение привычного хода событий.

Простейший пример: любимое блюдо ребенка, недавно прибывшего из детского дома в одну из китежских семей, это макароны. Ни вкусное мясо, ни овощи, фрукты — ничто не может заменить для ребенка это простое блюдо. И дело не во вкусовых предпочтениях, а в привычке детского дома и в необходимости сохранять иллюзию стабильности.

Безусловно, любой ребенок хочет внимания и ищет способы его получения, однако способы его получения у детей, имеющих опыт сиротства, могут быть не адекватны ситуации.

«Я плохой, я никому не нужен, но мне нужно внимание. Я заметил, что плохие мальчики получают столько же внимания, сколько и хорошие. А то, что это внимание плохое, это не важно. Я привык. Главное, чтобы оно было. Главное, чтобы меня замечали. Если меня замечают, значит, я существую».

Наша воспитанница С. не пропускала ни одного общественного события: праздника, дня рождения без того, чтобы не устроить истерику, не выяснить с кем-нибудь отношения — громко, ярко чтобы быть замеченной всеми. После этого ее уводили домой, затем разговаривали, она внимательно слушала и очень стыдилась, но в следующий раз все повторяла снова. Когда девочка стала взрослее, она сказала нам: *«А какая разница, каким способом привлечь внимание, главное, чтобы тебя заметили».*

Одна из характерных черт ребенка-сироты — это безразличие или легкомыслие по отношению к собственному будущему: а и так все получится, как-нибудь устроится.

Дональд Винникот говорил, что ребенок понимает свою ценность в раннем детстве через отношение к нему его близких: если обо мне заботятся, значит, я достоин заботы. Продолжая эту мысль, скажем: если обо мне не заботятся, значит, я не достоин заботы, или я плохой, или меня не существует. А значит, будь, что будет. Если я сам себе не нужен, то я не буду бороться за себя. Из этой позиции невозможно позитивное планирование собственной жизни.

Мальчик А. в первые несколько месяцев жизни в приемной семье методично создавал хаос в своей комнате: везде на полу лежали его вещи, одежда, не было буквально ни одного свободного сантиметра, убирался охотно в течение многих часов, а затем за 15 минут все принимало прежний вид. Зачем он это делал? Новое незнакомое пространство пугало его, а личные вещи, покрывающие пол ковром, делали это пространство своим, обжитым, приспособленным. Мальчик говорил: я существую. Потому что у меня есть мои вещи. Они подтверждают подлинность моего бытия. Я заполняю пустое пространство вещами, и оно тоже становится частью меня.

Сейчас ему 17 лет. Он учится в колледже. И по-прежнему он не нужен сам себе, он может долго ходить, не меняя одежды и белья, не стричься и не мыться, грызть ногти и спать на незастеленной кровати, свернувшись калачиком без подушки. Приемные родители до сих пор играют с ним в зеркало, давая ему осознать себя через их восприятие. Его жизненный тонус повышается, если родители заставляют его позаботиться о себе. Он по-прежнему не видит своего будущего, оно в сером, непрозрачном тумане. И это, что удивительно, не вызывает ни страха, ни желания бороться.

Существует популярное мнение, что все выпускники детских домов — это будущие уголовники, преступники и просто асоциальные граждане.

И часто статистика это подтверждает. Но существует причина, почему вчерашние дети сегодня преступают закон и нарушают моральные нормы и правила. Можно проследить действие четких психологических механизмов, которые формируют эту ситуацию. Для ребенка естественна не та среда, которую мы, взрослые, оцениваем как благоприятную, а та, в которой он вырос. Так для ребенка становится нормой то, что его бьют, не кормят или забывают в холодной ванной. Психика пластична и в целях самосохранения принимает это как нормальное.

Норма — это не значит, что ребенку это нравится; норма — это то, что привычно, знакомо и уже не пугает, поэтому многие дети, попав в «мягкую» среду новой семьи не знают, как в этих условиях существовать. Провоцируют на агрессию, пытаются вернуть норму.

Эта норма является первообразом ребенка, его исходным представлением об устройстве мира и общества. И если сознательно не вести работу по замещению одного образа и одних ценностей другими, то, даже воспитываясь в благополучной среде приемной семьи, он все равно вернется к воспроизведению своих первообразов.

Возможно, у кого-то возникнет вопрос, а возможно ли вообще помочь детям-сиротам, особенно с длительным опытом жизни в неблагоприятной среде.

Практика показывает, что это можно и нужно делать, важно только знать о тех трудностях, с которыми придется столкнуться приемному родителю, и встретить их во всеоружии.

Трудности, с которыми может столкнуться приемный родитель.

Если я полюблю вас, то смогу ли я продолжать любить своих родных?

Девочка К. выросла в большой многодетной семье, где она была самой младшей. К моменту ее рождения родные родители окончательно спились и часто даже забывали покормить младших детей. Их кормили старшие братья и сестры. Конечно, в ее внутреннем мире они навсегда заняли место защитников и спасителей, а их авторитет стал непререкаемым. Затем всех детей взяли в приемную семью. Девочка К. полюбила приемную мать, но в конфликтных ситуациях всегда принимала сторону своих братьев и сестер, даже если была с ними не согласна. В какой-то момент отношения детей и родителей вступили в фазу конфликта, старшие братья и сестры

оказывали отрицательное влияние на младшую сестру. «Все вокруг дураки, они нас не любят, не высовывайся, не высказывай свое мнение, просто тихо делай то, что тебе надо», — объясняла старшая сестра младшей К.

Когда же приемная мама в душевной беседе с К. говорила о том, что поведение ее старших братьев неприемлемо, то К. просто тихо плакала — для нее невыносима была ситуация выбора между ценностями братьев и сестер и приемной мамой.

Подобный конфликт характерен почти для всех детей, у которых сохранились воспоминания о родной семье. Их мучают вопросы: *Могу ли я любить новых родителей? Не предаю ли я свою родную семью? Как примирить два мира?*

Вы спросите, неужели дети могут любить родителей, которые о них не заботились или даже подвергали насилию? Почти обязательно дети любят своих родителей, не справившихся с жизненными трудностями и задачей воспитания своих детей. Более того, во всех бедах родной семьи и родителей дети склонны винить себя.

Сознание ребенка особенно пластично, и со временем все самое плохое уходит на второй план, а образы родителей в сознании ребенка, как ни странно, приобретают идеальные черты. Даже откровенно отрицательные черты родительского поведения интерпретируются ребенком как положительные. Например, агрессивность, грубость отца — как проявление силы и твердости характера. Под влиянием такой интерпретации в сознании ребенка формируется ценность: это нормально и хорошо — быть агрессивным и грубым с окружающими.

Далее, поведение не соответствующее этому образцу — мягкое, вежливое, интеллигентное в новой семье — воспринимается, например, как неискреннее или как проявление слабости и даже вызывает чувство тревожности из-за несоответствия той «норме», которая существует в сознании ребенка.

Таков механизм возникновения конфликта ценностей ребенка, усвоенных в период жизни в кровной семье с ценностями приемной семьи.

Для нормального формирования идентичности ребенка в этой ситуации возможного внутреннего конфликта ему необходимо ответить на вопрос: чей я? И помочь преодолеть конфликт. Это можно сделать путем простых, четких объяснений вашей собственной позиции по отношению к ребенку: *«Я не заменяю твою родную маму, я с тобой, ни в коем случае не оставлю тебя в трудной ситуации, всегда буду поддерживать тебя и т.д.»*

Нецелесообразно противостоять воспоминаниям ребенка, но необходимо фокусироваться на позитивных фактах детства, поддерживать хорошие воспоминания, а их можно найти даже в самых тяжелых случаях. В случае актуализации негативных воспоминаний рекомендуется реагировать на них по методике «зеркала». Это означает, что необходимо дать понять ребенку, что

4

вы слышите его рассказ, согласиться с тем, что те или иные факты имели место в его биографии, но не давать развернутых комментариев по этому поводу.

Как ни странно, прошлое ребенка определяет его будущее. Не имея возможности укорениться, он испытывает тревогу, а не осмысленные и не рационализированные воспоминания прошлого в его сознании не дают возможности выстроить перспективу будущей жизни. Поэтому очень важно найти вместе с ребенком положительные моменты его раннего детства и сформировать таким образом фундамент для ближайших и дальних жизненных целей, жизненной перспективы.

В помощь приемному родителю: арт-терапия, плей-терапия, терапия искусством.

Васькина А. С.
Педагог сообщества приемных семей «Китеж»,
учитель русского языка в МКОУ «Китежская
средняя общеобразовательная школа»

Благополучное развитие ребенка в приемной семье, утверждение его в новом статусе полноценного члена этой семьи во многом зависит от умения и знания родителя о том, как встретить момент готовности ребенка прорабатывать травмирующие воспоминания ранних лет жизни, как помочь ребенку сделать свой внутренний мир более понятным и управляемым для него самого, как заполнить душевные «пробелы» новыми смыслами.

Процессы, происходящие в психике ребёнка в момент разрыва с родной семьей и в период пребывания в детских учреждениях, в каждом отдельном случае окажутся различны. Они напрямую зависят от возраста ребёнка (младенец или подросток), качества прежних отношений с родителями (был ли в истории ранних лет жизни ребенка в семье относительно благополучный период, когда родители удовлетворяли базовые психологические потребности ребенка), условий жизни в семье (насколько семья могла обеспечить нужды ребёнка), ситуации расставания с ней (гибель «благополучных» родителей и лишение родительских прав людей, страдающих алкогольной зависимостью — это две принципиально различные ситуации). Однако, так или иначе, угнетающее влияние любой из описанных (а также многих других) ситуаций на детскую психику неизбежно.

Даже если ребёнок сохранил мало воспоминаний о травмирующих ситуациях детства, это вовсе не означает, что он окончательно «излечился». Забыть и пережить — не значит преодолеть. Глубинная память ребёнка всё равно содержит информацию о полученной боли и переживании. Эта информация деформирует нормальный ход психического и социального развития, что может проявляться различно: в виде отсутствия познавательного интереса, отклоняющегося, провокативного поведения, нежелания

4

вступать в доверительные отношения, недостаточности проявлений ребенка как активного творческого субъекта собственной жизни.

Травмирующие воспоминания непременно должны получать выход, быть проявлены, спроецированы на внешний материальный мир для того, чтобы ситуация могла измениться. Для достижения этого практическая психология использует разнообразные методы терапевтической работы.

Так, для детей старшего дошкольного возраста, для младших школьников, а порой и для задерживающихся в развитии депривированных подростков актуальными оказываются проективные методы терапии (арт-терапия и игровая терапия), которые позволяют посредством рисования, конструирования, игры и иной творческой деятельности ребенка получить внешнюю проекцию содержания психической жизни ребенка.

Возникают закономерные вопросы: дети и так довольно часто играют дома и на улице, рисуют на всём, что попадается им в руки, что-то склеивают из цветной бумаги, лепят из пластилина и глины, так почему же эти занятия стоит относить к области детской терапии? И нужен ли для этого особый специалист — психолог?

Ответы таковы

Во-первых, специалист, безусловно, нужен. Чаще всего им является психолог в области игровой или арт-терапии. Данную квалификацию психологи получают, проходя специальное обучение, подготовку и практику. Некоторые элементы арт — и игровой терапии может использовать в своем взаимодействии с ребенком и приёмный родитель, однако лучше всего доверить проведение таких занятий специалисту.

Какова специфическая роль психолога в арт-терапевтической сессии? Специалист — психолог — это не руководитель, следящий за правильностью действий ребёнка. Например, за тем, как тот держит карандаш или усаживает куклу за столик. Специалист-психолог в данном случае — это наблюдатель и помощник, который поддерживает детскую игру, позволяет этой игре состояться и проявиться. Он не вмешивается в творческий процесс ребёнка, пока тот сам не попросит помочь или просто поиграть/порисовать вместе с ним.

Этого может и вовсе не произойти на первых порах, если ребёнок сильно увлечён или напротив совсем не заинтересован. Но со временем ребенок, скорее всего, включит психолога в игровую деятельность, и в этот момент важно не нарушить внутреннюю логику детской игры, не привести в нее собственное содержание, а, напротив, подчиниться логике этой игры и ее автора, позволяя ему раскрыть и проявить все внутренние тенденции, в том числе и деструктивные. (Конечно, задача психолога — обеспечить безопасность ребенка и собственную. Замечание не лишнее, учитывая, что игра травмированного ребенка нередко принимает агрессивный характер).

Ещё одна задача психолога — произносить, озвучивать все действия ребёнка, то есть делать их осознаваемыми (слышимыми) для него.

Дети, имеющие трудности в развитии, травмированные дети в большинстве случаев не могут назвать, вербализировать и осмыслить собственные переживания и чувства. Они переживают игровую или жизненную ситуацию стихийно, не осмысливая ее. Внутренний мир ребенка в этом случае нуждается в структурировании. Однако это невозможно сделать напрямую, здесь на помощь приходят недирективные методы игровой и арт-терапии.

Девочка Д. собирает кукол на игровой праздник, ищет в коробке с кукольной одеждой самые красивые, на её взгляд, платья. Она молчит, только сопит от усердия.

Психолог:

— Ты ищешь подходящее платье. Эти тебе не нравятся.

Девочка выбирает одно, одевает на куклу. Оценивающе смотрит. Произносит:

— Нет (она не ответила терапевту, а оценила результат своих действий, сказала это скорее кукле или самой ситуации).

Психолог:

— Тебе не понравилось это белое платье. Ты его снимаешь с куклы и ищешь новое, более красивое.

Комментирующие реплики психолога делают актуальным для ребёнка то, что происходит для него автоматически, над чем он не задумывается. Так повороты игрового сюжета, становятся более осмысленными для играющего. Так ребенок учится осмысливать собственные игровые действия. Это умение будет перенесено из игровой ситуации в реальную, жизненную.

Во-вторых, слово «терапия» здесь действительно уместно. Занятия игровой и арт-терапией сильно отличаются от простых актов детского рисования и самостоятельной игры по целому ряду признаков:

- в этих занятиях, как уже было сказано, участвует помощник-взрослый, выполняющий определённую роль;
- занятия проходят не в тот момент, когда ребёнок захотел играть или рисовать, а 1 или 2 раза в неделю, в строго определённое время. Длятся они также фиксировано час либо чуть меньше. О датах и времени очередного сеанса игры/рисования, а также о количестве времени, оставшегося до окончания сеанса, ребёнок всегда знает заранее. Обычно дети с нетерпением ждут назначенного дня.

Мальчик Д. побывал на 2 занятиях по игровой терапии. Ему она очень нравится. За день он видит практически всех детей и взрослых нашего посёлка, и многим детям возбуждённо рассказывает о том, что происходило на последнем из его занятий. У взрослых же (даже если те в курсе того,

что эти занятия с ним проводятся) он интересуется, когда будет следующий сеанс, хотя сам прекрасно знает ответ на задаваемый вопрос.

Таким образом, он заново переживает радость от занятия и утверждает в том, что следующая встреча обязательно состоится через несколько дней, а ждать осталось совсем недолго.

Далее, в лучшем случае для обоих видов терапии отводится отдельное, специальное помещение. Оно наполнено различными игрушками (мягкие, куклы, машинки и солдатики, игрушечная посуда, игрушечные музыкальные инструменты, детские театральные костюмы, также игрушки, способные вызвать агрессию — роботы и чудовища и др.) или художественными принадлежностями (карандаши, краски, фломастеры, мелки, белая и цветная бумага различных размеров, клей, ножницы, блёстки и пр.).

Не стоит думать, что для терапевтической игры с девочкой не нужны пистолеты или машинки, а мальчику не пригодятся куклы или пластмассовый чайный сервиз.

Пример 1:

Сеанс игровой терапии с девочкой Х. проводится в преддверье Нового года, что отражается на сюжете игры. Девочка играет одновременно в деда Мороза и Снегурочку. Она берёт большую сумку и начинает собирать в неё различные предметы — это подарки для детей. В число подарков включаются несколько кукол, свисток, детская балалайка, сильно заинтересовавшая девочку, игрушечный танк, пистолет с патронами, резиновая жаба. Каждый предмет тщательно выбирается и, прежде чем отправиться в сумку, проходит проверку: кукол девочка вертит в руках, на балалайке брэнчит, танк катает по полу и играет в «войнушку», из пистолетов прицеливается и стреляет, голосом имитируя соответствующий звук. Жабу она показывает психологу, близко поднося к его лицу и как бы советуясь, брать её или нет.

Пример 2:

Нередко на наших занятиях мальчики прибегают к игре с участием кукол. Но это далеко не «дочки-матери». Мальчик И. иногда во время сессий игровой терапии принимался расстреливать их из пистолета, таким образом, на нейтральной территории и через нейтральных человекоподобных персонажей выражая копящуюся в нём агрессию и избавляясь от неё. Это далеко не все деструктивные проявления его игр. Сеансы игровой терапии стали для него возможностью снять внутреннее напряжение, что выразилось в изменении его состояния дома: поведение стало лучше, сон — более спокойным, стало возникать меньше конфликтов с родной сестрой и приёмными родителями.

Итак, в игровой или художественной комнате для любого ребёнка должно найтись что-то, отвечающее его запросу. Например, на время игры в обычной комнате переставляется мебель, достаются убранные ранее предметы, а ненужные — убираются.

Желательно, чтобы ребёнок не попадал в это игровое пространство в обычное время. Благодаря этому игрушки и изобразительные принадлежности не успевают ему прискучить и остаются притягательными, таинственными.

С девочками Н. и Д. по отдельности проводились терапевтические сессии. Несколько раз они незаметно дожидались ухода психолога из игровой комнаты после занятия с кем-либо ещё из китежских детей. Если дверь игрового зала сразу же не закрывали на ключ, они, объединив усилия, пробрались туда и старались унести несколько игрушек с собой. Они рассчитали, что пропажу больших игрушек взрослый бы легко заметил, поэтому уносили игрушки, которые можно было спрятать в карман (однажды это оказались 2 небольших пластиковых солдатика). Однако кража была обнаружена, и игрушки вернулись на свои места.

Данная ситуация замечательна тем, что она доказывает: механизм запрета зала игровой и арт-терапии действительно порождает интерес к нему и его содержанию, провоцируя ребёнка на активное исследование и пробование. В глазах ребенка запрет или ограничение доступа сообщает игровым предметам некие волшебные свойства. В игровом, «волшебном» пространстве возможны волшебные трансформации, превращения, возможно проявление тех тенденций, которые не могут быть проявлены в обыденной жизни.

Ситуации, которые наши дети избирают для своих игр, оказываются крайне разнообразными и далеко не случайными.

Девочка М. имела очень смуглый цвет кожи, за что в детстве претерпевала многочисленные насмешки других детей и нелюбовь матери, в конечном итоге лишённой родительских прав. На занятиях по игровой терапии она выбирала из всех кукол единственную темнокожую, терапевту же вручала простую куклу. Задача куклы терапевта была в том, чтобы обижать куклу девочки, а её задача — уходить от обиды.

Не всегда сюжеты и детали детской игры оказываются настолько «говорящими» и «прозрачными». Они могут быть, на первый взгляд, совершенно обычными и мало примечательными. Или же — мало связанными, путанными.

Мальчик Е. во время игры постоянно менял темы, торопясь за отвёрнутый ему час успеть взять в руки как можно больше предметов, поиграть в наибольшее количество игр. Он не доигрывал до конца начатые сюжеты, от игрушек переходил к углу с карнавальными костюмами и наряжался супер-героем или колдуном, нелепо смешивал несколько костюмов, затем спешил к музыкальным инструментам и пел в микрофон, после этого возобновлял прерванную вначале игру и так далее.

Подобное поведение ребёнка на игровых сессиях не редкость. Главная его задача — наполниться ощущением игры, удовлетворить эту потребность,

а после, возможно через много сеансов, самостоятельно научиться делать выбор (в этом ему помогает «озвучивание» действий психологом).

Детская арт-терапия пользуется другими материалами (не игрушками, а графическими средствами). Поэтому основной интерес ребёнка в ней — не ощутить процесс игры, а самому оставить некий след, видимый в пространстве. Хотя и процесс рисования, намазывания краски на лист или собственное тело, также, безусловно, важен.

Основной принцип художественной терапии крайне близок принципу терапии игровой: необходимо позволить ребёнку выразить актуальное содержание собственной внутренней жизни, дать выход эмоциям, позволить ребёнку отождествиться в игре с разнообразными ролями в поиске собственной идентичности.

Способы проведения такой терапии могут быть самыми различными: ребёнок может сам выбирать материалы, с которыми он хочет взаимодействовать, или их может предлагать специалист. У занятия может быть какая-то определённая тема или может её не быть вовсе. Рисовать ребёнок может как по бумаге или какой-то иной поверхности, так и по собственному телу (или даже телу психолога, если тот позволит).

Нет предела разнообразию художественных материалов: в арт-терапии активно используются различные краски, мелки, фломастеры, ручки и карандаши, разноформатная и разноцветная бумага и фольга, зерна различных круп, естественные материалы (к примеру, засушенные листья уличных растений) и т.д.

С первоклассниками В. и Д. в разное время были проведены схожие занятия по арт-терапии: каждый из мальчиков удобно ложился на большой лист бумаги, и психолог аккуратно обводил фломастером контур его тела. Задача ребят была — по своему желанию заполнить чем-либо собственное тело, след которого остался на бумаге.

Дети выполнили предложенное терапевтом задание по-разному.

Рисунок мальчика Д. оказался очень подробным, в контурах тела совсем не осталось светлых мест. Он глубоко увлёкся процессом. Мальчик представил себя сильным вооружённым воином и в соответствии с этим образом наделил контур деталями и раскрасил их. После занятия он захотел забрать рисунок домой, и психолог разрешил ему это сделать. Изображение мальчик повесил рядом со своей кроватью. Теперь в тех случаях, когда мальчик сильно расстраивается из-за чего-либо и плачет (или только собирается пролить слёзы), его приёмный папа апеллирует к рисунку и придаёт сыну мужества и стойкости словами «Ты же воин! Воин сильный, он может потерпеть и не должен плакать». Этот способ действует в большинстве случаев.

Рисунок второго мальчика оказался намного проще, в нём отсутствовал ролевой элемент («сейчас я — воин или кто-то другой»), детали он

прорисовал менее подробно, оставив многие места не закрашенными. Это может свидетельствовать, например, о менее чётко сформированном у него образе самого себя, менее богатом мире фантазии или о более сложной системе внутренних противоречий, которые ребёнку пока только предстоит разрешить.

Стоит добавить, что терапия искусством может проходить не только в форме рисования. Ребёнок может быть склонен создавать любые поделки из любых материалов. В таком случае творческие занятия, помимо психологической терапии, могут также развивать мелкую моторику рук ребёнка, положительно сказываясь на его развитии.

Иногда терапией могут стать, например, занятия музыкой (со взрослым или самостоятельные).

Мальчик С., войдя в подростковый возраст, захотел научиться играть на гитаре. Его приёмный отец смог помочь ему в этом, передавая собственные умения. Мальчику не всегда требовалось присутствие отца рядом, чтобы начать концентрироваться на этом занятии и добиваться результата. В музыке, которую мальчик разучивал, а также придумывал сам, он, как и всякий музыкант, стремился выразить собственные чувства и состояния.

Таким образом, он превратил домашний урок игры на гитаре в терапевтическое занятие.

Чем профессионал отличается от обычного родителя и почему недостаточно «просто любить детей». Основные правила взаимодействия с приёмным ребёнком.

Любимцева Ю. С.
Кандидат педагогических наук,
заведующий научно-методической работой
МКОУ «Китежская средняя общеобразовательная школа»

Щурова М. М.
Психолог сообщества приёмных семей «Китеж»

В профессиональном сообществе существуют разные мнения о том, должен ли родитель быть профессионалом или достаточно личного опыта. На поверку и тот, и другой подход оказывается однобоким: если мы говорим о профессионализме, то предполагается обучение, тренировка, однако где же здесь та составляющая, которая обеспечивает самое главное — формирование новой привязанности, а именно забота и внимание? Ведь это нельзя сыграть, поддаться и научить этому можно не каждого. С другой стороны, достаточно распространено мнение о том, что успешный опыт воспитания родных детей может

быть перенесен на приёмных. Этот вывод явно сделан без учета реальности «сиротства», а именно последствий разрыва первичной привязанности (с родными родителями) и неминуемое сопротивление новой привязанности, а также конфликт старых и новых образцов родительства.

Как ни странно, но ребенок усваивает как норму даже жестокое обращение и грубость. И часто принимающие родители оказываются в тупике, когда видят активное неприятие со стороны ребёнка их попытки создать атмосферу любви и дружелюбия, быть отзывчивыми и внимательными к его потребностям. А ребенок в этот момент поставлен в тупик неестественным, не вписывающимся в его норму поведением приёмных родителей. Он напуган и пытается вернуть те домашние отношения, к которым привык. И тогда он начинает провоцировать новую семью на проявление к нему тех чувств, которые были естественны для его биологических родителей. Приведём здесь пример.

Девочка Н. устраивала постоянные затяжные истерики, выла, входила в состояние аффекта. Если честно оценить свои чувства, то, безусловно, она добивалась только одной цели — чтобы ее сильно ударили и этим заставили замолчать. Она воспроизводила эту модель в течение нескольких месяцев почти каждый день. Однако в минуты истерики она все же оказывалась способна слышать и слушать, и в этот момент приёмные родители терпеливо объясняли ей следующее: «Н., ты сейчас хочешь, чтобы мы ударили тебя. С тобой всегда так раньше поступали, когда тебе было плохо или ты плакала. Но мы не будем так делать. Давай по-другому». В начале эти слова вызвали усиление истерики, однако со временем девочка восприняла услышанное и начала успокаиваться.

Психика ребенка готова перестраиваться, но для этого необходимо постоянное реакций со стороны взрослого и проговаривание ребенку его чувств и мотивов.

Именно поэтому естественным выходом видится синтез двух подходов — профессионального и личного, который объединит их достоинства и усилит вашу родительскую позицию.

Мы предлагаем **формулу успеха**:

Профессиональный родитель = естественные природные родительские качества + знания + рефлексия собственного поведения, реакций.

Родительские навыки — простое понятие, но тоже нуждается в раскрытии. Родительство в нашей культуре напрямую связано с излучением тепла, принятия, заботы в сфере материального и эмоционального благополучия ребенка. Здесь надо иметь ввиду те риски, сложности и противоречия, с которыми столкнется приёмный родитель в общении с ребёнком: снятие внутреннего напряжения и агрессии через порчу вещей, одежды; сквернословие, воровство, пренебрежение к личной гигиене, внешнему виду. И будет обязательно казаться, что это делается сознательно, намеренно, чтобы заставить вас страдать, хотя на самом деле это будет мольбой о помощи и призывом заметить его внутреннюю боль и нужды.

Но при всем этом мы должны продолжать заботиться, окружать ребенка любовью, потому что это единственная питательная среда для дальнейшего его исцеления.

Девочка Р. была жертвой физического и эмоционального насилия со стороны родной мамы в младшем дошкольном возрасте. В итоге, мама «случайно» пролила на нее кастрюлю кипятка, от чего остались ожоги. В детском доме внешне девочка была очень активна, артистична, любила петь, танцевать и с удовольствием общалась. Первый месяц в приемной семье она была именно такой. Но потом все изменилось. В присутствии приемного папы Р. выполняла все требования, была послушна, но стоило ему выйти из дома, как Р. начинала спектакль для приемной мамы. Она отказывалась выполнять простейшие просьбы, кривлялась, издевательским тоном спрашивала: «А что, если я разобью это? Что ты мне сделаешь, ты мне ничего не сделаешь». Говоря это, смотрела в глаза и улыбалась. Тогда ей было семь лет. Маме приходилось очень трудно, она не могла расслабиться в присутствии девочки, чье поведение носило открыто провокативный характер. Маме помогало понимание того, что Р. транслирует ненависть и обиду к родной маме на нее. Настоящая работа стала возможна лишь в подростковом возрасте, когда Р. начала переосмысливать детский опыт. Она искренне не помнила своего поведения, что еще раз говорит нам о бессознательном характере этих реакций.

Для того чтобы помогать ребёнку справляться с травматичными переживаниями и их последствиями, необходима вторая составляющая — **знания и практические навыки**. Как реагировать, если ребенок провоцирует вас на проявление физической агрессии, если он ворует ваши личные вещи, зная, что вы обязательно это увидите. Для успешной работы нужно иметь представление о том, что стоит за этими поступками, нужно понимать, что это — система условных знаков. Все, начиная с организации домашнего пространства и заканчивая построением перспектив жизни, с такими детьми должно осуществляться по определенным, уже открытым правилам и закономерностям. Так, например, в терапевтической практике воровство считается «знаком надежды»: ребёнок бессознательно обращается к нам за помощью, хочет, чтобы мы объяснили ему причину его собственных поступков, сняли напряжение. Часто поступки и склонности отступают, теряют эмоциональную заряженность, когда появляется возможность открыто обсуждать и объяснять их причины в совершенно будничной манере.

Девочка К. жила прожила в приёмной семье 9 лет, и все эти годы воровала у мамы, у гостей и других детей. Вначале это были мелочи — конфеты, заколки, безделушки. Потом К. стала брать личные вещи, одежду. Приёмная мама осознала глубину травмы ребёнка (семья алкоголиков, последний ребёнок из 9, не заботились, к трём годам — страшный рахит и истощение) и всегда просила одного: признаваться. Девочка так и делала, но продолжала воровать. В 14 лет она взяла компьютер из школьного класса физики и крупную сумму денег у родителей. Начали разбираться более серьёзно: ездили к специалистам, проверяли на наличие kleptomании и других расстройств. Чисто, ничего не обнаружили, кроме повышенного уровня тревожности. Начали расспрашивать

о том, что предшествует желанию пойти и взять что-либо. Ответ: «Наваливается тоска, чувство одиночества, испытываю тревогу».

— А что чувствуешь, когда взяла то, что хотела?
— Облегчение, успокаиваюсь.

Оказалось, что когда-то в детстве украденные деньги и еда дали возможность выжить и снять страх голода. Эта связка «потребность-тревога-кража-облегчение» замкнулась и стала поведенческим стереотипом девочки. Родители, друзья и другие дети в семье перестали избегать этой темы в разговорах, проверяли комнату каждую неделю, проговаривали вслух, воровала ли К. или нет. Постепенно девочка смогла обсуждать эту тему уже без эмоций, просто как болезнь. Последние полгода она не берёт чужого и проговаривает свои переживания, а родители стараются создать ситуацию, в которой она не остаётся один на один с собой. Эта работа была бы невозможна, если бы родители не обладали необходимым набором знаний и представлений о проблеме детского воровства.

Общение с детьми, которые имеют трудности в выражении себя, поведении, обучении и многом другом разбалтывает нас, родителей, мы становимся уязвимы. Внутреннее напряжение постоянно растёт, и если не работать с ним сознательно, то эмоциональное выгорание — неминуемая плата за халатность по отношению к себе. А ещё мы переживаем события прошлого ребёнка, часто виним себя за то, что вовремя не оказались рядом. Эти чувства нарушают внутренне равновесие. Здесь мы подходим к третьей составляющей профессионального родителя — **работе со своими переживаниями и реакциями**. Дети-сироты привыкли выживать в этом мире, и они точно знают, что выживает сильнейший. Если они кому и готовы довериться, так это сильному. Если они видят, что мы, как приёмные родители, пасуем, обижаемся, злимся и впадаем в депрессию, для них это значит только одно: «Такой человек не владеет собой, мне он точно помочь не сможет».

Часто наши собственные непроработанные детские сложности и комплексы начинают руководить нами незаметно для нас, и в этом случае можем приписывать ребёнку те проблемы и сложности, которые он не испытывает, но испытывали мы, совершая перенос.

Для мамы Н. в детстве было характерно поведение, при котором единственным способом получения внимания была болезнь. Зная о возможности манипулятивного поведения у приемных детей, в ситуациях частой заболеваемости ее приемного ребенка и жалоб на головные боли мама делала вывод, что ребенок манипулирует и не обращала внимание на эти проблемы. Через достаточно продолжительный срок выяснилось, что у ребенка серьезная патология мозга и лечение можно было начать значительно раньше, оно было бы эффективнее.

Другой пример: в большой семье К. имело место сексуализированное поведение между детьми, которое в детстве внушало тревогу, чувство опасности и отсутствия контроля над ситуацией. Наблюдая у своих приемных

детей признаки естественного сексуального развития на уровне интереса к физиологическим различиям, мама вела себя крайне беспокойно и агрессивно, явно придавая ситуации большее значение, чем она того требовала. Причиной была непроработанность детского травматичного опыта.

Часто можно наблюдать и обратный процесс, когда родители, будучи особенно чувствительными и восприимчивыми, направленными на детей, остро переживают события из прошлого ребенка, это часто парализует их волю, эмоции мешают действовать рационально.

В такие моменты ребенок невольно оказывается в позиции взрослого, когда уже он должен успокаивать родителя, а не наоборот.

Отдельно надо сказать о детях, переживших эмоциональное или физическое насилие, в том числе сексуальное. Воспоминания о полученной травме могут всплыть где угодно и когда угодно, и именно правильная реакция взрослого ускорит или замедлит переосмысление опыта. Какие действия будут правильными в ситуации, когда ребенок рассказывает вам о ситуации насилия в его прошлом?

Во-первых, необходимо признать факт насилия. Да, это было. Для себя и для ребенка.

Во-вторых, уверить его, что здесь такого не будет.

В-третьих, помочь ребенку освоить и озвучить связанные с этим чувства и эмоции. Признать их. Обычно дети испытывают облегчение, когда взрослый точно называет их чувства: я знаю, ЧТО Ты испытывал это, это и это. Тебе было плохо, больно и одиноко. Тебе было страшно. Ты это пережил, этого больше не будет.

В-четвёртых, в таких случаях нужна профессиональная помощь психотерапевта, который имеет опыт работы с детьми, пережившими насилие. Это особая категория специалистов.

Важно использовать в таких ситуациях и вообще в общении с детьми прием активного слушания. Когда вы разговариваете с ребенком, вы не занимаетесь мытьем посуды, решением кроссворда или приготовлением пищи. Ребенок должен видеть ваши глаза и чувствовать ваше физическое присутствие и эмоциональную вовлеченность.

Взрослый не спрашивает ребенка о том, что тот чувствует, потому что для ребенка это знак некомпетентности родителя, отсутствие «всесилия». Если ты сильный и мудрый, то ты знаешь, что со мной происходит. Поэтому родитель высказывается в утвердительной форме, ожидая реакции ребенка.

Приведем пример:

- Ты хотел привлечь мое внимание, поэтому ты забрал у меня эти бусы.
- Нет, ну, не знаю.

— Ты просто привык действовать так.

— Ну, не знаю.

— Со мной ты можешь вести себя по-другому. Если ты хочешь бусы, ты можешь попросить. Если ты хочешь провести со мной время, пригласи меня попить чай.

— Я так раньше не делал, у меня не получится.

— У тебя получится, давай пробовать.

— Ну, не знаю, давай.

— Мы вернемся к этому через несколько дней и посмотрим, что у нас получилось.

— Ну, давай.

Взрослый может и ошибиться, но тогда ребенок его поправит. А вот если взрослый начнет спрашивать, тот ответом будет короткое «нет».

Подводя итоги, скажем, что все три составляющие формулы родительства важны в равной степени: ваше тепло и любовь — это почва для прорастания новых отношений доверия, ваши знания — это инструменты тонкого и точно влияющего на внутренний мир ребенка, ваша саморефлексия — это ваша защита от эмоционального выгорания и залог правильного понимания нужд и перспектив ребенка.

Мир, в котором живет ребенок, или как не говоря лишнего слов создать комфортную и безопасную обстановку доверия

Васькина А. С.

Педагог сообщества приемных семей «Китеж»,
учитель русского языка

в МКОУ «Китежская средняя общеобразовательная школа»

Позитивные отношения с приёмным ребёнком — это результат кропотливой и долгой работы. Однако не всегда это непосредственная работа с самим ребёнком (его внутренним миром или отношениями с людьми, его учёбой в школе или выработкой каких-либо умений и навыков). Большую роль в закладывании будущих отношений приёмного родителя и ребёнка играет создание благоприятной атмосферы, в которой ребёнок сможет чувствовать себя спокойно и уверенно.

Основа создания такой атмосферы — это стабильность, устойчивость мира, в котором оказывается ребёнок. Установление стабильности мира складывается из естественных и крайне (порой жизненно) необходимых для человека вещей. Во-первых, здесь стоит сказать о важности приёма пищи как основе жизненных потребностей любого человека. Для приёмного ребёнка ритуал приёма пищи становится также одним из факторов психологического спокойствия. Стабильное наличие разнообразной пищи дома, регулярное и полноценное, вкусное питание является залогом психологического спокойствия ребёнка.

Если ребёнок может получить еду, просто открыв холодильник или просто придя на завтрак, обед и ужин, ему не приходится тратить внутренние силы на преодоление страха голода, необходимость добывать пропитание или воровать продукты, чтобы выжить (то, с чем сталкивались практически все воспитанники «Китежа»).

Система питания устроена в «Китеже» так, что шесть дней в неделю (с понедельника по субботу) все питаются совместно в столовой, где готовит повар. Поэтому повар (как в обычных семьях — родитель) оказывается для ребёнка чрезвычайно важной фигурой. Тот, кто готовит и раздаёт еду (если он доброжелателен и положительно настроен в отношении ребёнка), иногда оказывается достоин той информации, которую ребёнок может не рассказывать родителю, воспитателю или педагогу.

Важна предсказуемость в меню. Знание того, что предложат на завтрак, обед или ужин через несколько дней, дарит ребёнку уверенность в том, что этот завтрак, обед или ужин непременно состоится. Это избавляет ребёнка от целого ряда внутренних переживаний и сопротивления миру.

Место приёма пищи (также как и место для отдыха и сна, игр, выполнения домашнего задания) обязательно отделено от всех прочих мест. Оно уютно и располагает к спокойному процессу, на котором ребёнок может сосредоточиться, не отвлекаясь на посторонние события.

Наше помещение столовой (в частности зал для приёма пищи) выстроено из дерева и декорировано деревянными узорами, что делает его уютным и тёплым, стоящие в столовой столы — также деревянные, крепкие, большие. Это придаёт им некоторую монументальность, устойчивость, утверждает ребёнка в ощущении надёжности этого места.

Говоря о сознательном выделении в доме особого пространства для особых человеческих нужд, нельзя обойти стороной вопрос о месте, где ребёнок отдыхает и спит. Наличие собственного места для сна и оборудованного для учёбы и отдыха пространства — важный компонент психической стабильности и спокойствия ребёнка.

Мальчик С. достаточно интеллектуален и развит как эмоционально, так и психически. Он хорошо учится и интересуется познанием внешнего мира. Однако порой он отказывается ездить в интересующие его образовательные поездки, рассчитанные на несколько дней, если в этих поездках не предполагается комфортного, отдельного места для ночного сна.

Дома мальчик С. оборудовал пространство вокруг своей кровати и письменного стола важными для себя предметами, фотографиями, картинками. Его комната таким образом похожа на небольшой музей его собственной жизни. Подобное поведение нормально и типично для ребёнка: так он утверждает постоянство своего присутствия в этой комнате и этом доме, материально подтверждает важность того, что он, а не кто-либо другой, — хозяин этого места.

Ещё пример:

Мальчик А., завершив обучение в 9 классе школы «Китежа», предпочёл продолжить учиться в профессиональном училище в городе, осваивая выбранную им специальность. Сейчас он оказывается дома один раз в неделю — на выходных. Важно, что приёмные родители сохранили его место для сна и личных вещей. Таким образом, они утвердили мальчика в идее доверия своему дому и новым родителям и смягчили изменения, произошедшие во внешних условиях жизни мальчика с началом учёбы в новом месте.

Говоря о важности для ребёнка наличия стабильного места для сна, отдыха и работы, нельзя не обратиться и к более широкому вопросу об установлении комфорта в быту вообще. Ребёнок чувствует себя беспокойно, нервничает, плохо ведёт себя, если не может ощутить уверенности в устройстве своего мира.

Быт ребёнка складывается из множества практических мелочей, на первый взгляд мало значимых, но обретающих серьёзную психологическую важность в момент детской трансформации. Так, непременно важно, чтобы ребёнку всего доставало: чтобы у него было достаточно сменной одежды и обуви, карандашей и ручек, чтобы у него была своя посуда дома, чтобы он точно знал, где лежит его (а не чья-то ещё) зубная щётка или расчёска, например.

Неслучайно наши младшие школьники и дошкольники всегда переживают и ссорятся на занятиях, если кто-то из них берёт не свой фломастер, ластик, ручку и т.д. Они воинственно отстаивают своё право владеть самой незначительной вещью, принадлежащей им (например, подаренной приёмными родителями). Так они обозначают границы себя и утверждают в прочности своего мира.

Пример важности устойчивых бытовых условий:

Мальчик М. находился в приёмной семье полтора года, когда в доме начался ремонт ванной комнаты. В связи с этим некоторое время жителям дома приходилось принимать ванную у соседей. Несмотря на то, что с соседями у семьи (в том числе и у мальчика) были хорошие дружеские отношения, ситуация посещения их, а не своей ванной оказывалась стрессовой для мальчика. Он отказывался идти «в гости», если его не сопровождали приёмные мама или папа. Заходя в дом, он сильно стеснялся, после принятия душа старался незаметно пробежать в коридор и спешил домой.

Вернёмся к обсуждению вопроса о предсказуемости мира, формируемого вокруг ребёнка приёмными родителями. Важным понятием здесь становится «ритуал» и «ритуализованность».

Под «ритуалом» в данном случае подразумевается регулярное, повторяющееся и информативно важное событие.

Ритуализованность повседневной жизни в разные её моменты может положительно сказаться на развитии приёмного ребёнка и процессе выбора им своего положения в новой семье. Различные «ритуалы», многократно и регулярно повторяющиеся в семье, постепенно формируют у ребёнка уверенность в новых родителях и принципах их жизни, в устойчивости семьи, в которой он оказался.

Это могут быть «ритуалы» различного рода. Например, совместный просмотр фильмов и мультфильмов, утреннее провожание ребёнка в школу, для девочки — регулярное расчёсывание мамой, создание причёски перед утренним выходом из дома, также — ежевечернее совместное с ребёнком чаепитие, во время которого возможна беседа о событиях минувшего дня. В атмосфере доверия, а также домашнего уюта, чаепития, ребёнку может оказаться легче оформить в слова имеющиеся у него вопросы, рассказать о чём-то, на его взгляд, важном, поделиться информацией о своей жизни.

Мальчик Д. (8 лет) находится в приёмной семье уже три года. Он привык к традиции ежевечернего чая вместе с родителями. За чаем члены семьи делятся рассказами о совершившихся за день событиях (хороших и грустных), общаются, интересуются состоянием и настроением друг друга. Мальчик Д. очень трепетно относится к вечернему чаепитию, часто заранее (днём) спрашивает родителей о планах на вечер и о том, будет ли в этот день чай. Радуетесь утвердительному ответу. В 7 лет с ним был проведён курс игровой терапии. Сюжеты игр мальчика были спокойными, недеструктивными. Часто в основу сюжета игры ложилось чаепитие, для которого он тщательно накрывал игровой столик, аккуратно (подобно своим приёмным родителям) сервировал его различными приборами и угощениями. В просторстве игровой чаепития мальчик выделял места для родителей, себя и сестры, которые условно приглашались на его чай.

Также:

Девочке А. долгое время было крайне сложно выстроить отношения с приёмной мамой — обида на родную мать, лишённую родительских прав, оказалась слишком сильна. Её образ девочка постоянно помнила и им «подменяла» маму в новой семье. Изменили ситуацию многочисленные беседы приёмной мамы с девочкой. Эта работа оказалась успешной благодаря постоянству поведения мамы, а также устойчивости традиций данной семьи, в частности, традиции общаться с ребёнком за вечерним чаем, когда ребёнок способен расслабиться, эмоционально успокоиться и открыться для душевного общения, принять новую информацию.

Таким образом, при формировании у приёмного ребёнка уверенности в его новом мире, новых родителях не бывает неважных (или маловажных) деталей. Значимо оказывается всё: отношение взрослых к младшему, их поведение и, непременно, обстановка дома. Обстановка в самом широком понимании: хорошее бытовое обеспечение нужд ребёнка, наличие у него собственного уютного и надёжного места в доме, выстроенность отношений между родителями, наличие и стабильность внутрисемейных традиций.

